

Article No 232

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.07>

Citation:

Кирчанов, М. (2020). Имитация жанра жития в литературе
российского постмодернизма (на примере романа Владимира Шарова
«Будьте как дети»). *Studia Rossica Gedanensia*, 7: 88–99.

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.07>

Kirčanov, M. (2020). Imitaciã žanra žitiã vliterature rossijskogo postmodernizma
(na primere romana Vladimira Šarova 'Bud'te kak deti'). *Studia Rossica Gedanensia*, 7: 88–99.

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.07>

ИМИТАЦИЯ ЖАНРА ЖИТИЯ
В ЛИТЕРАТУРЕ РОССИЙСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ВЛАДИМИРА ШАРОВА
БУДЬТЕ КАК ДЕТИ)

МАКСИМ КИРЧАНОВ / MAKSIM KIRCHANOV

Воронежский государственный университет / Voronezh State University
Факультет международных отношений / Faculty of International Relations
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран /
Department of Regional Studies and National Economies

Пушкинская 16, 394000, г. Воронеж, Россия / Pushkinskaya st. 16, 394000 Voronezh, Russia

E-mail: maksymkirchanoff@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

(Получено / Received 25.03.2020. Принято / Accepted 19.06.2020)

Abstract

**Imitation of *Vita* genre in the literature of Russian postmodernism
(Vladimir Šarov's novel *Bud'te kak deti*)**

The author analyzes the features of imitation and simulation of the *vita* genre in the literature of Russian postmodernism in the contexts of Vladimir Šarov's novel *Bud'te kak deti*. It is concluded that 1) being a postmodernist writer, Vladimir Šarov only imitated and simulated religiosity; 2) Vladimir Šarov's prose can be interpreted in the

categories of deconstruction of traditional identity and religiosity as one of its foundations; 3) Vladimir Šarov transplanted the main compositional and plot features of the *vita* genre into a postmodernist text for their further simultaneous deconstruction and (re)invention.

Key words: Vladimir Sharov, *Bud'te kak deti*, prose, *vita*, postmodernism, identity

Резюме

Автор анализирует особенности имитации и симуляции жанра жития в литературе российского постмодернизма в контекстах романа Владимира Шарова *Будьте как дети*. Предполагается, что 1) В. Шаров как писатель-постмодернист только имитировал и симулировал религиозность; 2) проза В. Шарова может быть интерпретирована в категориях деконструкции традиционной идентичности и религиозности как одного из ее оснований, 3) писатель трансплантировал основные композиционные и сюжетные особенности житий в постмодернистский текст для их деконструкции и (ре)изобретения одновременно.

Ключевые слова: Владимир Шаров, *Будьте как дети*, проза, житие, постмодернизм, идентичность

Формулировка проблемы

Постмодернизм в истории постсоветской литературы стал одним из течений, оказывавших значительное влияние на развитие основных векторов и направлений современной литературной истории. На протяжении 1990-х годов, после распада СССР и исчезновения советской литературы как модели развития русской литературы, постмодернизм в значительной степени претендовал не на уникальность, но на универсальность, что вынудило некоторых исследователей определять и воспринимать именно постмодернизм как универсальный культурный и эстетический код развития и функционирования всей постсоветской российской литературы на русском языке в целом, что сделало оценки и интерпретации сложившихся литературных ситуаций чрезвычайно общими и в ряде случаев аморфными. Поэтому такие разные по общей стилистике и содержанию текстов российские писатели, как В. Пелевин, В. Сорокин, Т. Кибиров и другие, почти автоматически определялись не только как постмодернисты, но и классики этого направления в России, что содействовало еще большей эрозии самой концепции «постмодернизма» и ее трансформации в родовое название для обозначения и описания гетерогенных ситуаций в российской постсоветской литературе. Среди постсоветских российских писателей-постмодернистов, которые пребывают в тени своих коллег, но тексты которых не менее значимы, особое место занимал Владимир Шаров (1952–2018) – фигура не столь популярная среди исследователей российского литературного постмодерна, но вместе

с тем чрезвычайно важная для его литературного развития и интеллектуальной эволюции на протяжении 1990–2010-х годов.

Особенности историографической ситуации

Число исследований о наследии В. Шарова (Ащеулова 2016, Ащеулова 2014, Ащеулова 2013а, Ащеулова 2013b, Габриэлова 2015, Кирчанаў 2019), действительно, не столь значительно, как количество работ, сфокусированных на изучении текстов других российских писателей-постмодернистов, тем не менее его роль в развитии постмодерна не вызывает сомнений. Постмодернистская проза В. Шарова не просто воспроизводила на русском языке в отношении действительности все родовые особенности этого направления. Она предлагала качественно новую версию российской истории, основанную на ее радикальной ревизии в конструктивистской системе координат. Именно это позволяло писателю воспринимать участников российского исторического процесса как «воображаемые сообщества», а «узкие места» русской истории (мессианство, православие, большевизм, коммунизм) как ее «изобретенные традиции».

Цель и задачи статьи

В центре внимания автора данной статьи находится характеристика имитации житийного жанра как одной из особенностей российского постмодерна в понимании В. Шарова в контекстах его романа *Будьте как дети* (Шаров 2008а, Шаров 2008b, Шаров 2017). Целью статьи является анализ использования житийного приема в литературе российского постмодерна на примере романа *Будьте как дети*, а задачами – анализ особенностей трансплантации и деконструкции, изучение основных закономерностей функционирования, мутации и адаптации житийного жанра в контекстах исторического воображения литературы постмодернизма.

Шаров в своей прозе трансплантировал основные положения житийного жанра, адаптируя их к постмодернистскому дискурсу. В романе *Будьте как дети* писатель использовал житийную парадигму дважды: с одной стороны, в сюжетной линии, связанной с «энцским апостолом Павлом – Евлампием Христофоровичем Перегудовым» (Шаров 2017: 68), с другой – в «ленинской» части романа. Если описание истории Перегудова подчинено логике жития в целом, то «житийные» моменты в версии биографии В.И. Ленина в романе Шарова актуализирует в большей степени потенциал мученичества.

Житие: религиозный текст

В романе *Будьте как дети* Шаров трансплантирует в авторский нарратив писателя начала XXI века основные характеристики и особенности религиозного жития как жанра.

Если многие средневековые жития начинались с полумифических преданий о появлении будущего святого, то появление одного из героев романа, Перегудова, среди энцов было связано с «чудом» побега от российского общества XIX века, что сопровождалось многочисленными грехами будущего «апостола», который убил нескольких человек. В этом контексте Шаров также копирует законы развития житийного жанра в силу того, что путь к святости некоторых героев средневековых житий был отягощен как грехами, так и преступлениями. Если в ряде житий женщина была причиной прегрешений будущего святого, то Шаров использовал и этот прием:

У Перегудова уже была зазноба, разбитная солдатка Катя – баба красивая и молодая. Катя и свела его с лихими людьми». Писатель успешно трансплантировал это клише религиозной литературы в постмодернистский текст. Если авторы некоторых средневековых житий перечисляют прегрешения будущего святого, чтобы показать значимость его спасения, то В. Шаров использовал и эту особенность: «Перегудов говорил энцам, что он просто бежал, куда угодно, лишь бы спастись от нового душегубства. Но чем дальше он уходил, тем больше было крови» (Шаров 2017: 73–74).

Шаров, таким образом, имитировал закономерности построения текста и развития сюжета жития, но уже в качественно иной, постмодернистской, системе координат. Писатель трансплантировал в постмодернистский контекст и другие родовые травмы житийной литературы, включая временное просветление героя – «он аккуратнo исполнял свои обязанности... читал Священное писание, молился и спал» (Шаров 2017: 78) – перед его новыми грехами. В то время как тексты классических житий содержат идеологически выверенные и политически необходимые сцены и описания падения язычества, роман Шарова актуализирует аналогичные мотивы – «лишь к вечеру шаман изнемог, ноги его подкосились, и, повалившись на землю, он начал биться в агонии. Было видно, как изо рта Ионаха вместе с пеной уходят последние капли жизни» (Шаров 2017: 93) – интегрированные в большей степени в момент исторического кризиса и гибели традиционного общества. Традиция и архаика в романе *Будьте как дети* являются важными и смыслообразующими элементами нарратива о традиционном обществе как «золотом веке», когда «меньше двух поколений назад они свободно бродили по тундре... они владели, были хозяевами огромных и бескрайних пространств... они знали как возник этот мир» (Шаров 2017: 96), но христианизация как форма модернизации фактически разрушает основания такой традиционной идентичности в силу того, что русские играют роль сообщества, которое не только христианизует, но модернизирует их, вынуждая узнать и понять, что «все это не более чем красивая сказка. Никакого Охона нет и никогда не было, и они не избранный его народ, а мелкие, жалкие дикари, слабые, ущербные людишки» (Шаров 2017: 96).

Поэтому христианизация как модернизация в романе *Будьте как дети* становится одновременно вынужденным и насильственным взрослением, концом детства как «золотого века» традиционного общества. Если многочисленные тексты житийного жанра в качестве одного из центральных сюжетов имеют чудесное обретение святого, то роман Шарова *Будьте как дети* имитирует и этот

момент поэтики житийного жанра потому, что будущего святого «подобрали на песке, у кромки камышей, он был в бессознательном состоянии, подолгу бредил... был совсем плох, и они не думали, что он выживет» (Шаров 2017: 88). «Конструируя» биографию Перегудова, Шаров деконструирует не только законы развития житийного жанра, но и подвергает ревизии основные мифы как советской русской литературы, так и историографии, что относится в первую очередь к революции (Шаров 2017: 70) как коллективному месту памяти. Трансплантируя родовые травмы жития в постмодернистский роман, Шаров не только использует потенциал традиционной поэтики архаичной культуры.

В ходе анализа текста романа *Будьте как дети* становится очевидно, что Шаров не только имитировал и симулировал законы житийного жанра, но фактически соединял их с закономерностями развития и функционирования другого политически и идеологически мотивированного жанра – революционной биографии, столь характерной для советской прозы социалистического реализма. В этом контексте Шаров одновременно симулирует и имитирует житие традиционное (религиозное) и модерное (политически-революционное), что фактически актуализирует значение романа *Будьте как дети* как текста-цитаты, текста-конструкта и текста, основанного на смешении формально противоположных жанров – религиозного жития и фактически политического романа. Деконструируя житийные мотивы, Шаров подвергает ревизии и родовые травмы массовой литературы, подвергая маргинализации романтический пафос более ранней русской литературной традиции, сводя глорификацию насилия к его обыденному описанию, что заставляет героя фактически смириться с тем, что «он порешит десять человек, причем убьет их легко, безо всякого сожаления, будто кур зарежет» (Шаров 2017: 72).

Трансплантируя особенности жития в постмодернистский текст, Шаров стремится одновременно зафиксировать особенности традиционного сознания и деконструировать их. Например, энцы, этническая группа воображенная и изобретенная Шаровым, описываются, с одной стороны, как носители традиционной идентичности, которые в проповеди бывшего солдата Перегудова руководствовались буквализмом («слова Перегудова, даже не соглашаясь с ними, самодийцы до последних лет сохраняли с большой тщательностью. Они верили, что ничего лишнего, неважного в его рассказах нет и быть не может» (Шаров 2017: 69)), так как не могли осмыслить им сказанное в другой системе координат. С другой стороны, Шаров активно конструировал особенности идентичности, характерные именно для традиционного общества, которое развивалось не в либроцентричной системе координат, так как его идентичность имела вербальные основания, и поэтому «проповеди Перегудова почти пятьдесят лет передавались единственным способом – из уст в уста» (Шаров 2017: 70).

Примечательно и то, как постмодернистский текст подвергает ревизии основы христианства, деконструирует их из ближневосточного контекста и трансплантирует в тундру позднего имперского или советского периода – поэтому «в перегудовской редакции Библии никто, поя овец, не отваливал камень и не рыл колодцев, и вместо пажитей с сочной травой были богатые ягелем болота. Молитва, обращенная к Всевышнему, отгоняла безжалостных волков, ветер

сносил тучи гнуса, и олени – не овцы, – пасясь сытно и спокойно, каждую весну приносили богатый приплод» (Шаров 2017: 97).

В этом контексте постмодернистский роман, с одной стороны, фактически становится фактором модернизации и национализации христианства, приписывания статуса «избранного народа Божьего» (Шаров 2017: 100). С другой, не менее важно и то, что энцы, анонимные герои романа, вынужденно принимают правила игры современного общества и поэтому выступают в качестве почти модернистских конструкторов, которые «начали энергично править его рассказы. Любые намеки на вину... безжалостно ими вымарывались... той же цензуре подвергли и последнее убийство, которое произошло... на их глазах. В канонической версии... всю вину за смерть шамана... они берут на себя» (Шаров 2017: 89), то есть фактически подвергают ревизии и цензуре историческую и культурную память своего сообщества.

Житие: политический текст

Постмодернистскому роману, в той версии в которой его стремился писать Шаров, было явно тесно с рамках традиционных форм – поэтому писатель активно симулировал и имитировал те литературные жанры, которые доминировали ранее, вырывая известных героев из не менее известных и ставших классическими реалий, помещая их в те условия и обстоятельства, которые были явно несовместимы с политически и идеологически мотивированными требованиями более ранней литературной традиции, что в полной мере относится к попытке Шарова в романе *Будьте как дети* совместить и синтезировать нормы жития, политической биографии и такого явления советской литературы как «лениниана».

Украинский историк Ирына Колэсник, комментируя отношения профессионального исторического сообщества с властью, полагает, что возможно несколько вариантов взаимодействия интеллектуалов и политического режима. Поэтому «историк всегда находится в силовом поле политики и власти. Одни историки сознательно обслуживают потребности власти, как официальные историографы правителей, династий, стран, даже выступают архитекторами новых государств. Другие не демонстрируют открыто своих политических предпочтений и взглядов. Некоторые сознательно отстраняются от власти и государственных институтов, ведь настоящий интеллектуал всегда находится в оппозиции к власти и существующему режиму» (Колесник 2017: 9).

В этой ситуации показательна та тактика, выбор в пользу которой сделал профессиональный историк Шаров. Несмотря на опыт работы в академическом институте и защиту кандидатской диссертации, ему было тесно в рамках того диапазона возможностей, который предлагала академическая историография. Поэтому литература стала попыткой сознательного отстранения как от власти, так и от формальных требований академического дискурса – проза давала гораздо больше возможностей конструирования, воображения и изобретения прошлого. Хотя конструктивистский поворот, начавшийся в российской исто-

рической науке в 1990-е годы, обеспечивал историков аналогичными возможностями, литература, тем не менее, с точки зрения внутренней свободы была все же более привлекательной.

Если «житие» Евлампия Перегудова актуализирует основные закономерности и особенности развития жанра, характерные для религиозных житий, то часть романа, сфокусированная на последних годах жизни В.И. Ленина, в большей степени апеллирует к мученичествам, являясь фактически попыткой деконструкции советского идеологически и политически мотивированного канона ленинского жития с заменой его новым нарративом, явно локализованным в системе координат, основанной на имитации и симуляции религиозного сознания. Шаров – не первый российский интеллектual, который пытается деконструировать ленинский миф из русской идентичности: его попыткам предшествуют как политически поддерживаемые и санкционированные стратегии формирования этого мифа (Шагинян 1977, Пискунов 1970), так и отдельные попытки его ревизии и деконструкции (Тумаркин 1997).

Версия ленинского жития в прозе Шарова стала не только попыткой переосмотра и ревизии истории, но и трансформациями в функционировании и воспроизводстве исторической и культурной памяти в постсоветской России. Если в советский период память цензурировалась и регламентировалась, автоматически исключая альтернативные объяснения и интерпретации, то падение коммунистических режимов и связанных с ними стратегий работы с памятью вдохновило «пересмотр прошлого, который произошел после краха коммунизма, частично от того, что коммунистический период воспринимался как какая-то эрозия памяти в „режиме забывания”» (Аўтўэйт, Рэй 2006: 29). «Забывание» стало не только универсальной моделью функционирования исторической и культурной памяти в транзитных обществах (где восприятие истории и прошлого было отягощено как политическими мифами, так и идеологическими стереотипами), но оно также стимулировало процессы конструирования новых версий памяти: «если прошлое воспринимается как негативное... и отклонение от „нормального” пути, то перед... обществом встает задача прощания с наследием и преодоления негативного опыта, исправления собственной траектории развития» (Ластоўскі 2016: 37).

В этой ситуации взрыв исторической памяти, который фактически привел к росту исторического мифотворчества, актуализировал «санитарные» функции литературы как части исторической памяти. Поэтому в прозе Шарова конструирование новых исторических мифов через отрицание и деконструкцию советской политически и идеологически мотивированной эстетики «изобретения» Ленина в рамках «высокой» советской культуры и «обращение к прошлому является результатом стремления к терапевтической коррекции настоящего путем нарушения прошлого опыта и его трансформированного перехода к настоящему» (Кръстев 2003). Поэтому альтернативные попытки воображения истории, даже если они не имели отношения к историческим реалиям прошлого, воспринимались интеллектуалами как попытка вообразить «нормальный» путь истории, что фактически стало попыткой избавиться от политических и культурных травм советского прошлого. Падение коммунизма освободило

интеллектуалов от необходимости формировать нарративы в рамках идеологически и политически мотивированного канона, активизировав коллективную память и заставив ее работать в режиме «вспоминания», точнее – нового воображения, изобретения, конструирования истории и наделения ее теми смыслами, которые предыдущими поколениями интеллектуалов не прочитывались или игнорировались.

Анализируя особенности развития ленинианы в прозе Шарова, следует брать во внимание не только ее ревизионистский характер, но и то, «против» чего направлена эта ревизия. С одной стороны, Шаров подвергает пересмотру и, как следствие, деконструкции классические советские версии изобретения и воображения образа Ленина (Драбкина 1961, Воскресенская 1972, Шагинян 1959, Катаев 1965), выдержанные в идеологически и политически мотивированной системе координат. С другой стороны, Шаров явно не проявляет солидарности и с антисоветскими попытками формирования образа Ленина (Солженицын 1975, Ерофеев 2001) – и первые, и вторые деконструируются им в одинаковой степени. Кроме этого, шаровская версия ленинианы основана также на сомнении в отношении тех образов Ленина, которые сами по себе были ревизионистскими, предложенные в российской литературе 1990-х годов (Пелевин 2005). В одинаковой степени скептическое отношение Шарова к своим предшественникам, которые писали о Ленине, позволяет некоторым исследователям подчеркивать, что «роман находится... посередине парадигмы, представляя мейнстрим, стремящийся к объективной характеристике времени, соблюдении дистанции, исторической персонализации, поскольку соединяет как утопию советского времени, так и антиутопию постсоветского периода» (Лихина 2009), хотя, как полагает автор в этой статье, для текста В. Шарова в большей степени был характерен не синтез, а склонность к конструкции нового мифа через деконструкцию предыдущего.

Если Ленина в СССР «не изучали, имелись процедуры ритуального цитирования» (Кожокин 2014), если в советской литературе фигуру Ленина канонизировали, то современные интеллектуалы склонны предлагать альтернативные версии, основанные на деконструкции более раннего канона. Поэтому воображаемое и конструируемое «житие» Ленина в романе Шарова *Будьте как дети* обладает несколькими особенностями. Житие Ленина, по версии Шарова, – это не просто памятник агиографии и не мученичество. Поэтому Шаров предлагает ревизионистское восприятие ленинской биографии, словно намеренно деконструируя раннее возникшие и утвердившиеся историографические и литературные мифы. В этом отношении Шаров не только писатель, но и профессиональный историк, который не избегает использования ревизионизма. Американский историк Джэймс МакФерсон, комментируя роль ревизии в развитии исторического знания, подчеркивает, что именно она «является жизненной основой исторической науки» (McPherson 2003: 1). Поэтому, деконструируя ранние историографические, литературные и политические мифы о Ленине, Шаров не только их извлекает из культурного и интеллектуального контекста эпохи, но фактически предлагает их альтернативную конструкцию.

Традиционно «житие» в литературе может быть определено как жанр фиксированный, в романе же Шарова различные герои являются носителями разных версий ленинского жития, причем это житие передается не письменно, но устно, что в определенной степени приближает его к традиционной культуре. Ленин в прозе Шарова – это Ленин-конструкт, Ленин-ревизия более ранних образов, созданных в советской литературе. В романе *Будьте как дети* Ленин, который отрицает Бога, спорит с ним и одновременно стремится к нему, предстает как вождь религиозного движения – «всероссийского похода детей в Святую землю», крестового похода и крестного хода «коммунаров» одновременно. Поэтому ленинский террор интерпретируется в категориях Страшного Суда и будущего спасения, а сам Ленин в определенной степени уподобляется Ивану Грозному – оба предстают как тираны, которые через террор против «безгрешных и невинно убиенных... тельцов без изъяна и порока» пытались приблизить пришествие Царства Божьего для «нового святого народа» (Шаров 2017: 130, 165, 173, 189).

В прозе Шарова коммунистический террор и насилие конструируются через симуляцию и имитацию религиозных образов – поэтому репрессии в литературном и историческом воображении писателя воспринимаются как условия для спасения, а новый избранный народ изобретается как «творцы переходных форм к коммунистическому строю», которые «были необходимы», так как «без нас не пришли бы другие, те, кто уже – сам коммунизм». Если для советских авторов официальных биографий как аналога «житий» Ленин был фигурой в значительной степени мифологизированной, то у Шарова Ленин, наоборот, демифологизирован, но через его интеграцию в религиозный канон. Поэтому у Шарова Ленин – революционер в прошлом, но в событиях, описанных в романе, это Ленин, который понимает, что «единственное назначение слов – думать о Боге и с Богом говорить», и поэтому он «много думает о Боге... неотрывно думает о Боге. О самом Господе, а не о церкви», потому что «на путях промысла Божия роль Ленина по-прежнему велика, и Господь его не забывает» (Шаров 2017: 116, 121, 141, 143).

Выводы

Использование элементов житийного жанра никогда не входило в число основных литературных приемов Шарова, но встречалось исключительно в контекстах воображения и конструирования истории и образов прошлого, симуляции и имитации исторического нарратива. Историк по образованию, кандидат исторических наук, знавший методы внутренней и внешней критики источника, много работавший в архивах, Шаров умел очень тонко и соответствующим образом имитировать особенности текста источника, сочетая их с симуляцией академического дискурса, что придает его прозе характер текстов-конструктов. Это в полной мере относится и к житийным мотивам в романе *Будьте как дети*.

Шаров имитирует те приемы, которые традиционно использовались в средневековой житийной литературе, одновременно деконструируя и демонтируя религиозно-центричный канон и трансплантируя его основные положения

в дискурс литературы постмодернизма. Шаров как профессиональный историк не лишает себя удовольствия использовать в фактическом тексте-конструкте приемы внутренней и внешней критики им же изобретенного источника. Если «житие» Евлампия Перегудова в романе *Будьте как дети* строится на принципах житийного жанра, на трансплантации и переносе общих мест из многочисленных средневековых житий в текст постмодернистского романа, то «житийные» страницы этого произведения сопровождаются симуляцией почти академической интерпретации. Житие в прозе Шарова становится одной из многочисленных форм перформанса, минимизируя историю в целом до игры, а события в частности до симулякров, которые одновременно и уникальны, и серийны.

Шаров трансплантировал в текст фактически все «общие места» житийной литературы, включая чудесное появление героя, искупление им собственных грехов, многочисленные совершенные прижизненные чудеса, центральным из которых было обращение ранее языческого народа в христианство. Созданная Шаровым версия «жития» была бы неполной, если бы он не сопроводил ее внешними легитимациями, включая многочисленные воспоминания и впечатления как современников, так и потомков о герое «жития», хотя и сам герой, и претендующие на аутентичность исторического источника свидетельства являются не более чем конструктами, которые имитируют реальность, воображая и изобретая ее. Кроме этого, имитация «жития» как жанра написания истории имела принципиальное значение для развития исторического воображения в прозе Шарова.

Традиционно в историографии житие воспринимается как жанр, в значительной степени архаичный и фактически не соотносящийся с современной культурой. Шаров в своей прозе уподобляет историю фронтиру, что допускает и позволяет одновременное сосуществование и софункционирование как архаического, так и современного сознания. Используя в своих текстах имитации и симуляции различных типов источников – от жития до письма, от официального документа до богословского сочинения – Шаров, с одной стороны, демифологизирует и десакрализирует источник, а с другой – «расшифровывает» саму историю, наделяя ее смыслами и значениями как конструктами, что позволяет их деконструировать, превращая историю, мифологизированную и идеологизированную предыдущими поколениями как историков, так и писателей, в один из многочисленных конструктов и симулякров литературы постмодернизма.

Специфика российского постмодернизма в прозе Шарова не ограничивается только теми сюжетами, которые были проанализированы в настоящей статье. Роман *Будьте как дети* содержит различные модификации житийного жанра, трансплантированные в такой политически и идеологически мотивированный сюжет российской исторической и политической памяти, как русская революция и роль Ленина, что указывает на необходимость дальнейшего изучения постмодернистского переосмысления житийной парадигмы как одной из форм конструирования постмодернистского текста и функционирования исторического воображения.

Библиография / References

- Ašeulova, I.V. (2013a). Semejnaâ hronika kak formirovanie istoričeskoj pamâti pokolenij v romane V. Šarova „Sled v sled”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 2 (130): 48–53 [Ащеулова, И.В. (2013а). Семейная хроника как формирование исторической памяти поколений в романе В. Шарова «След в след», *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2 (130): 48–53].
- Ašeulova, I.V. (2013b). Sûžet poiska pravdy kak osušeštvenenie mečty o rae na zemle v proze V. Šarova. *Sûžetologîâ i sûžetografiâ*, 2: 72–78 [Ащеулова, И.В. (2013б). Сюжет поиска правды как осуществление мечты о рае на земле в прозе В. Шарова. *Сюжетология и сюжетография*, 2: 72–78].
- Ašeulova, I.V. (2014). Trud duši čeloveka kak sohranenie istoričeskoj pamâti roda v romanah V. Šarova. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3/1 (59): 162–166 [Ащеулова, И.В. (2014). Труд души человека как сохранение исторической памяти рода в романах В. Шарова. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3/1 (59): 162–166].
- Ašeulova, I.V. (2016). Sûžet „vtoroe prišestvie Hrista” v romanah V. Šarova. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, 2: 106–113 [Ащеулова, И.В. (2016). Сюжет «второе пришествие Христа» в романах В. Шарова. *Сибирский филологический журнал*, 2: 106–113].
- AÛtÛjët, Ū., Rëj, L. (2006). Madèrnasc’, ramâc’ i postkamunizm. *Palityčnaâ sfera*, 6: 27–43 [АÛтÛjët, Ū., Рэй, Л. (2006). Мадэрнасць, памяць і посткамунізм. *Палітычная сфера*, 6: 27–43].
- Voskresenskaâ, Z.I. (1972). *Parol’ – Nadežda*. Moskva: Detskaja literatura [Воскресенская, З.И. (1972). *Пароль – Надежда*. Москва: Детская литература].
- Gabrièlova, A. (2015). Filosofsko-istoričeskij grotesk v romane „Vozrašeñie v Egipet” Vladimira Šarova. *Voprosy literatury*, 3: 177–185 [Габриэлова, А. (2015). Философско-исторический гротеск в романе «Возражение в Египет» Владимира Шарова. *Вопросы литературы*, 3: 177–185].
- Drabkina, E. (1961). *Černye suhari: rassказы*. Moskva: Sovetskij pisatel’ [Драбкина, Е. (1961). *Черные сухари: рассказы*. Москва: Советский писатель].
- Erofeev, V.V. (2001). *Sobranie sočinenij*. T. 2: *Zapiski psihopata. Blagaâ vest’*. Proza iz žurnala „Veče”. *Moâ malen’kaâ leniniana. Interv’û. Iz zapisnyh knižek*. Moskva: Vagrius [Ерофеев, В.В. (2001). *Собрание сочинений*. Т. 2: *Записки психопата. Благая весть*. Проза из журнала «Вече». *Моя маленькая лениниана. Интервью. Из записных книжек*. Москва: Вагриус].
- Kataev, V.P. (1965). *Malen’kaâ železnaâ dver’ v stene*. Moskva: Sovetskij pisatel’ [Катаев, В.П. (1965). *Маленькая железная дверь в стене*. Москва: Советский писатель].
- Kirčanaŭ, M.V. (2019). *Topas ruhu âk pastaânnaga vârtannâ ŭ prozeruskaga i belaruskaga post-madèrnizmu (na prykladze tэкстаŭ Uladzimira Šarova i Viktara Marcinoviča)*. V: Arcâmënak, H.A. (Red.). *Biellaruskaja mova i litaratura ŭ slavianskim etnakułturnym kanteksie*. Vičebsk: VDU imâ P.M. Mašëra: 166–169 [Кірчанаў, М.В. (2019). Топас руху як пастаяннага вяртаньня ў прозе рускага і беларускага постмадэрнізму (на прыкладзе тэкстаў Уладзіміра Шарова і Віктара Марціновіча). В: Арцямёнак, Г.А. (Рэд.). *Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксьце*. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава: 166–169].
- Kožokin, E. (2014). *Politika i antipolitika v sud’be istorika. „Put’ vverh i vniž odin i tot že”*. *M.Â. Gefter v vospominaniâh družej i očevidecev*. (Online) <http://gefter.ru/archive/13678> (dostup 2.02.2020) [Кожокин, Е. (2014). *Политика и антиполитика в судьбе историка. «Путь вверх и вниз один и тот же»*. *М.Я. Гефтер в воспоминаниях друзей и очевидцев*. (Online) <http://gefter.ru/archive/13678> (доступ 2.02.2020)].

- Kolesnik, I. (2017). Ukraïns'kij istorik i vlada: vid primusu do partnerstva. *Ejdos*, 9: 9–24 [Колесник, I. (2017). Український історик і влада: від примусу до партнерства. *Ейдос*, 9: 9–24].
- Kr"stev, D. (2003). Kanon i/ili agon. Literaturnoistoričeskite (re)konstrukcii. V: Vačeva, A., Čobanov, G. (Red.). *Kultura i kritika*. T. 3: *Kraât na modernostta?* Varna: LiterNet: 416–449 [Кръстев, Д. (2003). Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции. В: Вачева, А., Чобанов, Г. (Ред.). *Култура и критика*. Т. 3: *Краят на модерността?* Варна: LiterNet: 416–449].
- Lastoŭski, A. (2016). Prapracoŭka kamunistyčnaga minulaga ŭ Slavakii: asnoŭnyâ faktary i dynamika faktary i dynamika. *Palityčnâ sfera*, 24: 37–55 [Ластоўскі, А. (2016). Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка. *Палітычная сфера*, 24: 37–55].
- Lihina, N.E. (2009). Utopičeskij aspekt romana V. Šarova „Bud'te kak deti". *Vestnik RGU im. I. Kanta*, 8: 87–90 [Лихина, Н.Е. (2009). Утопический аспект романа В. Шарова «Будьте как дети». *Вестник РГУ им. И. Канта*, 8: 87–90].
- McPherson, J. (2003). Revisionist Historians. *Perspectives on History*, 41 (6): 1.
- Pelevin, V. (2005). *Vse rasskazy*. Moskva: Eksmo [Пелевин, В. (2005). *Все рассказы*. Москва: Эксмо].
- Piskunov, V.M. (1970). *Sovetskaâ Leniniana: obraz V.I. Lenina v sovetskoj literature*. Moskva: Hudožestvennâ literatura [Пискунов, В.М. (1970). *Советская Лениниана: образ В.И. Ленина в советской литературе*. Москва: Художественная литература].
- Solženicyn, A.I. (1975). *Lenin v Cûrihe*. Paris: YMCA-Press [Солженицын, А.И. (1975). *Ленин в Цюрихе*. Paris: YMCA-Press].
- Tumarkin, N. (1997). *Lenin živ! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij proekt [Тумаркин, Н. (1997). *Ленин жив! Культ Ленина в Советской России*. Санкт-Петербург: Академический проект].
- Šaginân, M. (1959). *Set'â Uljanovyh: Očerki. Stat'i. Vospominaniâ*. Moskva: GINL [Шагинян, М. (1959). *Семья Ульяновых: Очерки. Статьи. Воспоминания*. Москва: ГИХЛ].
- Šaginân, M.S. (1977). *Leniniana*. Moskva: Molodaâ gvardiâ [Шагинян, М.С. (1977). *Лениниана*. Москва: Молодая гвардия].
- Šarov, V.A. (2008a). *Bud'te kak deti*. Moskva: Vagrius [Шаров, В.А. (2008a). *Будьте как дети*. Москва: Вагриус].
- Šarov, V.A. (2008b). *Bud'te kak deti, Znamja*, 1–2 [Шаров, В.А. (2008b). *Будьте как дети, Знамя*, 1–2].
- Šarov, V.A. (2017). *Bud'te kak deti*. Moskva: AST – Redakciâ Eleny Šubinoj [Шаров, В.А. (2017). *Будьте как дети*. Москва: АСТ – Редакция Елены Шубиной].

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.